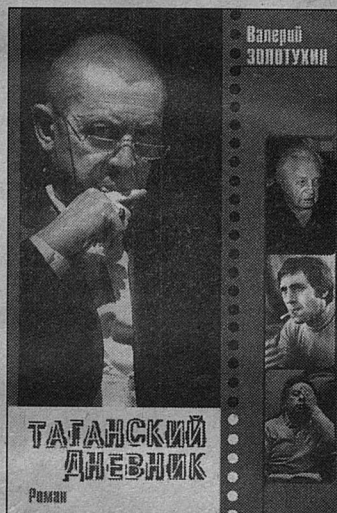
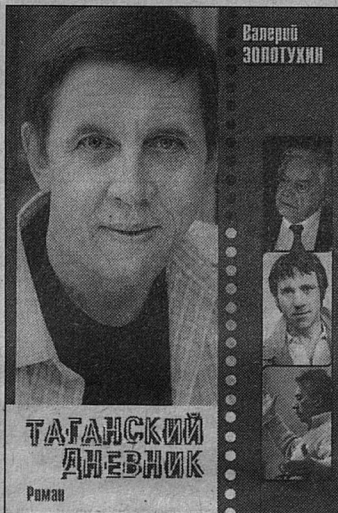
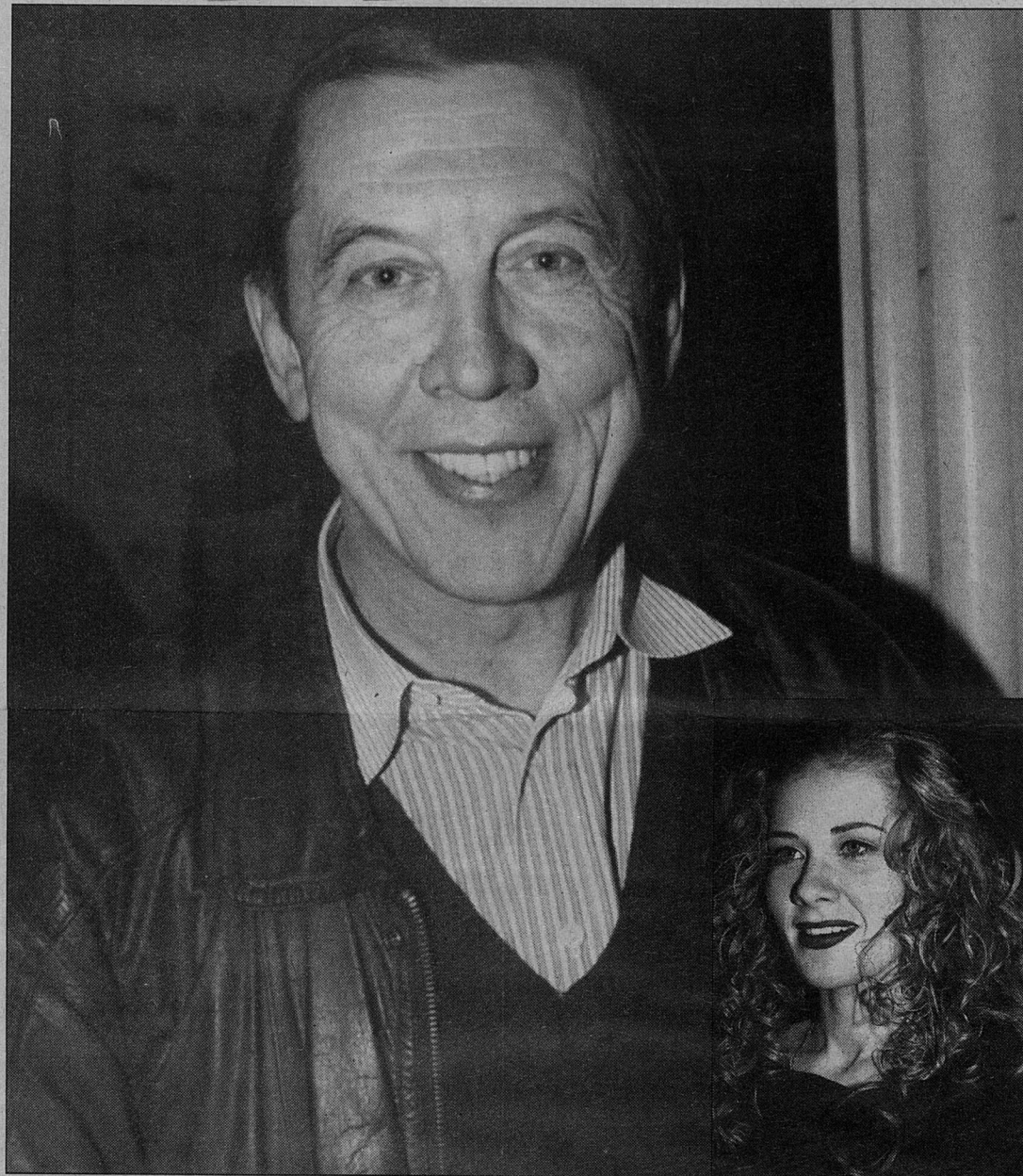

История одинокого эгоиста

Валерий Золотухин и его "Таганский дневник"

В.Золотухин и его муза И.Линдт

ли в родной алтайской деревне Быстрый Исток. То, что писалось в дотаганковский период, в гитисовскую пору, когда Золотухин постигал специальность актера музыкального театра, азы оперетты, когда работал у Юрия Завадского в Театре им. Моссовета в течение двух лет. Рассказ о том времени написан по-новой, теперь, спустя не один десяток лет и во имя того, чтобы сделать поклон в сторону тех лет и людей, которые стали определяющими величинами.

Течение жизни, как известно, не сплошная возвышенность, а низкое, как все близкое и любимое, в принципе, достается. Характеристики даны не для слабонервных. Золотухин прекрасно понимает, на что поднял руку, но отчаянные поступки у него в крови. Всего же актером уже написано 80 общих тетрадей. Нынешний двухтомник вообрал в себя лишь десять. Значит, есть чего ждать в будущем. "Продолжается жизнь — продолжается роман", — скажет Валерий Сергеевич. Собственно, "Таганский дневник" — не новость. Золотухин и прежде публиковал свои дневниковые записи. Еще свежи в памяти его тексты, вошедшие в

хоть стало перед кем-то стыдно... Им, любимым, больше всего и досталось, как всем близким и любимым, в принципе, достается. Характеристики даны не для слабонервных. Золотухин прекрасно понимает, на что поднял руку, но отчаянные поступки у него в крови.

Всего же актером уже написано 80 общих тетрадей. Нынешний двухтомник вообрал в себя лишь десять. Значит, есть чего ждать в будущем. "Продолжается жизнь — продолжается роман", — скажет Валерий Сергеевич. Собственно, "Таганский дневник" — не новость. Золотухин и прежде публиковал свои дневниковые записи. Еще свежи в памяти его тексты, вошедшие в

бы написал об этом куда задиристей и злее.

В качестве комментария приведем слова, сказанные автором "Таганского дневника" во время презентации и в ответ на вопросы о том, что же происходит с человеком с годами и подвергаются ли в связи с этим корректировке его мысли и суждения, некогда изложенные на бумаге. Золотухин скажет так: "Я не думаю, что с годами человек так уж сильно меняется. Нам часто только кажется, что в молодости мы были чище. Меняется стиль человека. Он научается писать, именно научается. Я консультирую пороки свои и пороки чужие. Как говорил Розанов, все наши таланты связаны с пороками, а добродетель — с бесцветностью. Вот и выкарабкивайся из этой заковыки. Ничто так не связывает людей, как порок. Он страшен и любопытен одновременно. Каждый из нас вспомнит именно того человека, с которым связывает или связывал его порок, особенно, если это порок тайный. Надо стремиться окружать себя талантливыми людьми. Жаль, что эта фраза не вошла в книгу.

Многое о себе сочиняю, придумываю, ведь я же — писатель, фантазер, игрок. Вот и вовлекаю в свою игру, предлагаю свои правила игры. Мне это интересно. А умение писать вырабатывается с годами. Дневники — это эксперименты над близкими. Но не могу удержаться и продолжаю писать. Профессия актера предполагает ПЕРЕСТУПЛЕНИЕ. Дневники же — акт познания самого себя. Я 5 декабря в свои 27 лет — одно, а 5 декабря в 37 — нечто другое. Меня задевает то обстоятельство, что люди обижаются, прочитав написанное о них. Свои записи о женщинах я подкорректировал, а в остальном все сохранил в том виде, как и было когда-то написано. Тогда, когда и не предполагал, что все это будет напечатано. Люди часто пытаются скорректировать свою биографию. Но к чему отречься от того, во что мы верили? Это не придает доблести. Зачем корректировать свои дневники? Я не менял ничего. А к своему ремеслу всегда относился тщательно. Лад с ним меня и кормит".

Ноябрьским вечером 1967-го Золотухин напишет: "Вечер. Жуть. Некуда податься, некуда податься... Надоели, господи, как все надоели. Надоела жена, надоела теща, надоела квартира, мебель и сам себе надоед, а податься некуда. Боюсь пить, а охота, а боюсь, потому могу взорваться и надоедть глупостей". Упаднических настроений хватает и в более поздних текстах. Сентябрем 96-го датирована запись: "С каждым днем все больнее, все стыднее, все невыносимее открывать дневник и делать какие-то записи, потому что жизнь у меня ужасная, позорная, крысиная, тараканья, испуганная и безнравственная до предела".

Золотухин — умный, значит, подвержен унынию, как всякий мыслитель, а это много объясняет. Некоторые записи начинаются словами: "Четверг. Молитва, зарядка, душ" или "Четверг. Молитва, а зарядку пренебрег". Далее — письменный стол, пельменная, которую долгое время мечтал открыть, поездка по магазинам за плоскими батарейками, которые куда-то исчезли (или что-то в этом роде), театр, непременно Филатов со своей женой Шацкой (теперь и давно уже не Золотухина), актерские козны с чер-

ной магией и замыслом одной актрисы физически уничтожить Демидову... Как скажет сам Золотухин, в общем, нервная жизнь. Некоторые фразы — готовые афоризмы. О Любимове: "Он думает, раз поселился в Иерусалиме, значит, с Богом по корешам". "Если рожать, то Пушкина или Ахматову". "Полдня говорю 'люблю' одной, полдня — другой. Вру напропалую, спасает Кузькин".

Порой в Золотухине пробуждается совсем уж мальчишеский максимализм, сразу видно, что дело мы имеем с актером, а они, как известно, дети, чьи — всем известно. То он мечтает наутро проснуться другим человеком — конечно, славным и хорошим, иначе, чего же мечтать, то стать священником, но это все-таки не всерьез, скорее ребячья игра.

Времена меняются. Меняются люди и их пристрастия. Выхожу как-то из МХАТа им. Горького, где нескончаемыми овациями публика приветствовала Дороницу. И тут же у театрального подъезда слышу разговор сорокалетних людей: "Зря мы с тобой программку не купили. Теперь вот и не знаем, как актрису зовут. А она, видно, великая какая-то, раз ей так аплодировали". Предположить, что есть еще кто-то в этой стране, кто хотя бы раз не видел, к примеру, "Три тополя на Плющихе", просто не могла. Но ведь рассказывал же Валерий Золотухин историю о том, как подбегала к нему девчонка за автографом, а он спросил ее о том, знает ли, кто он такой. И услышал в ответ: "Конечно, знаю. Соломин". Потом дома пересказал эту историю, долго смеялись, пока сын в свою очередь не оговорил вопросом: "А кто такой Соломин?" Вот такие времена наступили. Золотухин меж тем в отличной форме. За 37 лет работы в театре ему ни разу брюк не перешили. Никакого лишнего веса. В кино он практически не снимается. В последний раз мы, кажется, видели его в фильме Иржи Менцеля о Чоккине. Играет в Театре Антона Чехова, в антрепризных проектах. "Цена" Миллера — особая радость за последние годы. "Мы на Таганке лишены таких ролей", — скажет Золотухин. Антреприза да книги, которые сам продает, — вот что кормит. В 91-м свою книжку "Дребезги" вышел на улице продавать, сидел за столиком и торговал. "Люди смотрели на меня как-то странно, наверное, думали: сбрендил что ли? Свои книги в театре продаю. Вначале стыдился, особенно тогда, когда свой брат-актер за этим занятием застигал. Я теперь наворосился. Пойду и на улицу. Люди смотрят на книжку, а не на продавца. Таким образом, многое о себе узнал. Подходят как-то две женщины, а я за лотком в театре сижу. Одна говорит другой: 'Да я Золотухина как-то не очень'. 'А почему это вы Золотухина не очень?' — спрашиваю в ответ. Та посмотрела на меня, узнала, смущенно произнесла: 'Я его не очень читала'. Такие бываю встречи с читателями, и это тоже не для слабонервных.

На родине актера, в деревне Быстрый Исток, местная администрация выкупила дом под музей прославленного земляка своего, Золотухина, а он его отдал каким-то охотникам. Стало быть, музея не будет.

Светлана ХОХРЯКОВА

Фото Ларисы КАМЫШЕВОЙ

Издательства "ОЛМА-ПРЕСС" и "Авантитул" совместными усилиями выпустили двухтомник Валерия Золотухина под названием "Таганский дневник", определив его жанр как роман. Работа над книгой продолжалась в течение двух лет. По случаю ее благополучного завершения в Театре на Таганке устроили презентацию, причем не абы какую, не скучную и стандартную, как это обычно бывает, а подготовили почти спектакль. Наверняка постарался сам Валерий Сергеевич. На Малой сцене создали нужную атмосферу. Стол, скатерть, чайник. Этот интерьер и обживал актер. Он пел знаменитые и фирменные свои "Ходят кони...", "Степь да степь кругом", играл на гармошке и гитаре, читал стихи Высоцкого, Твардовского, Бродского и даже Лермонтова — не случайные, а те, что помогали кое-что понять в происходящем и в дневниках, отчасти и в самом Золотухине. Строки Твардовского "сказать хочу и так, как я хочу" примерил к себе и к своей нынешней ситуации. Визовник торжества в начале описываемого нами мероприятия произнес слова о том, что не хотел бы разрушать представления народа о себе самом как о народном типе, как о Бумбараше. "А что я есть на самом деле — это пусть каждый решает сам".

Собравшиеся задавали вопросы по поводу и без повода, так, об жизни, хотя, конечно, повод и был — сама жизнь. Потому как дневники включили думы и чаяния с разбегом в жизнь. Это издатели уговорили Золотухина дать его запискам определение роман. А Золотухин прокомментирует: "Роман — это жизнь моя. А жизнь художника — художественное произведение. По количеству действующих лиц, по событиям — это роман. Течение одного пера, один сюжет". Вот и все объяснение романной форме, вполне удовлетворительное. Один из вариантов названия, значившийся в первом авторском договоре, — "Таганский тулик". В нем была интрига. Именно в Таганском тулике расположен служебный вход театра. Да, тут много всего, самых разных ассоциаций. Но Золотухин за протестовал.

На презентации почти не было коллег актера по театру. Может, оттого, что Золотухин — не общественный человек, а, как скажет о себе сам, эгоист, одиночка норный. На презентации были только престелная Ирина Линдт, постоянная спутница Валерия Сергеевича, ныне и звезда "Норд-Оста" (Золотухин, как выяснилось, частенько бывает на этом спектакле), кинорежиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, актер Владимир Долинский, Никита Высоцкий, кто-то из молодых "норд-остовцев". Линдт пела романсы "Дышала ночь восторгом сладострастья", "Чай с бергамотом", а Золотухин под эти чудные звуки разливал на сцене чай. Пела Ирина о чайных розах, и вот они, чайные розы, на сцене тут как тут. Но не пошло все это было, напротив, придавало атмосферы. Кто-то самовыражался за счет и в ущерб виновнику торжества, читал собственные сочинения совершенно не по делу и не к месту. Но даже сей казус не испортил собравшимся настроения. Вот такая компания. Ни Любимова, ни друзей-таганковцев со стажем — никого. Может, конечно, и цели такой не было — их приглашать. Но допускаю, что люди просто не пришли, ведь досталось им бедным от друга Золотухина по полной программе.

Валерий Сергеевич намеренно никого не обижал, он просто обнародовал свои записи как они есть, сделанные для себя — так сказать, для внутреннего потребления, а не для всеобщего обозрения. Но дневники нежданно-негаданно стали предметом гласным, а значит, обид не избежать. Хотя и тут есть от лукавого, ведь нет-нет да и промелькнет на страницах книги фраза вроде вот такой: "У меня нет желания эти дни описывать подробно, по часам, хотя, может быть, это-то и будет самым интересным для потомков, коль они начнут разыскивать нас". Слова с оглядкой.

Кто-то из участников презентации произнесет слова о том, что дневники — это история Таганки и театра второй половины теперь уже прошлого века сквозь золотухинский прищур. Конечно, не "Моя жизнь в искусстве" и не "Работа актера над собой", хотя и довелось актеру сыграть самого Станиславского в недавнем спектакле Таганки "Театральный роман". В дневниках слишком много "сора", но, как видно, какое время, таковы и песни. Наши песни о главном часто вовсе не о главном и не о существенном, а о суетном и преходящем.

Однажды один очень известный и большой актер сказал мне о том, что вот бы написать такую книгу, как написал Кончаловский. В смысле откровенную, взрывоопасную, которая бы заставила о себе говорить, вызвала бы скандал. Но желание — это одно, а смелость и решительность — совсем иное. Человеку тому хотелось прокричать миру о многом, и ему есть о чем рассказать, да, простите, кишка оказалась тонка. Как бы чего не вышло, да что скажет жена — это тормоз серьезный. Золотухин бесстрашен. Он рискует, делает ставки по-крупному. С другой стороны, коль уж рисковать, то только так. Чего уж мелочиться, когда на кону жизнь, репутация, благоденствие собственное и близких тебе людей. Как скажет на презентации Георгий Юнгвальд-Хилькевич, он — Пимен. Пишет, чего бы ему это ни стоило. Сам Золотухин вдруг вспомнил о давнем уже своем интервью "СПИД-Инфо", за которое его нещадно ругали. Тогда на вопрос журналиста о том, делает ли он женщинам больно, Золотухин ответил и теперь повторил эти слова: "Да, членом". "Я могу сделать что-то, а другой нет, и благодаря этому интервью я сыграл Павла I". Вот вам и творческая лаборатория артиста. У каждого она своя, неповторимая. Чего ж тут постыдного?

В записях 60-х много слов о Высоцком, о его ужасном состоянии, когда, облепанный и измазанный подзаборной грязью, просит водки, угрожая покончить с собой, обещает завязать и повторяет пройденное по кругу. Золотухин уже однажды после одной из телепрограмм, где говорил о Высоцком, стал получать угрозы в свой адрес за "оскорбления" великого русского поэта. Пришлось даже нож купить и газовый баллончик в интересах самозащиты. Было это в 91-м. Но теперь бесстрашно повторяет собственные "ошибки". Собственно, фигуранты его дневников на протяжении лет одни и те же: Юрий Петрович Любимов, Вениамин Смехов, Леонид Филатов, которому особенно должно быть тяжело после публикаций дневников Золотухина, Владимир Высоцкий, Иван Бортник, Николай Губенко, первая жена Нина Шацкая, Алла Демидова, жена Тамара, Анатолий Эфрос, благодаря которому хоть "пить бросил,